

18+

Эли Сигельман

*Розовый
талисман*
из коллекции *Les
Orientaux Latins*

Стихи

Эли Сигельман
Розовый талисман
из коллекции Les
Orientaux Latins. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63754528

ISBN 9785005310460

Аннотация

Палисандр, ваниль и амбра в аромате парижских духов Rose Talisman повторены интимностью стихов этого сборника. Откройте для себя её изысканность и разгадайте их скрытый смысл. Любовная лирика с намеком на эротику, жизненные наблюдения и мысли об истории, – все это здесь и ждёт вас, своего читателя.

Содержание

Плюшевый медведь цвета едкого индиго	5
И слушать как шумят деревья...	7
забыться в уладе, уснуть в наркоте	9
женщина, которую я люблю	11
Эффект Исхода	12
На коленях, мы оба, замёрзшие...	14
Молочные берёзки	16
Освободи же, дай уйти...	18
Давай же упадём в любовь	20
Розовый Талисман из коллекции Les Orientaux	22
Latins	
Белые розы висячих садов Вавилона	25
И ничего нового не происходит...	27
Поющие пески	29
Danke Schoen	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Розовый талисман
из коллекции Les
Orientaux Latins
Стихи**

Эли Сигельман

© Эли Сигельман, 2021

ISBN 978-5-0053-1046-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Плюшевый медведь цвета едкого индиго

Оно мчалось и мчится,
забрав с собой детство и юность,
молодость и зрелость,
оставив на память старость и морщины,
потухший взгляд и нетвердые шаги.

Если я твой мужчина, возьми меня за руку.
Улыбнись и пройди мимо, если я не он.

Уже какую неделю, месяц, год
я пишу этот стих,
а ему нет конца и нет начала...

За решеткой на окне обнажилось поле:
маки, одуванчики, лебеда...
За решёткой на окне лебеди
скользят по голубому озеру.
За решёткой на окне спят мои страхи
на пуховой перине наслаждений.

Как объяснить и кто поверит,
о чём думал плюшевый медведь цвета едкого индиго,
когда его коснулся луч заходящего солнца

на мокром песке зимнего пляжа?

И слушать как шумят деревья...

Громадный сад.
И в нем деревья и трава.
Стволы обмазаны известкой.
В траве роса.
Роса кипит и булькает на солнце.
А солнце улыбается цветам.
Весь сад в цветах. Цветы на клумбах,
а клумбы словно холмики надежд.
В них прячется любовь.
Любовь, которой ночью
занимались краб и черепаха,
мужчина с женщиной,
и кролики с задором и в угаре.

Над паузой потерянной долины,
между усталых гор,
вершин оскаленные зубья
и озверевший океан невзгод у их подножья,
и трупы штабелями в доме престарелых...
Такое у нас время...
пожар, грабеж и мор...
И всё это не в первый раз,
скорей всего, и не в последний...
Осталось, разве-что, просить прощения.

Укутавшись в молочное сияние Млечного Пути,
небес укрывшись одеялом,
закрывать глаза и слушать...
и слушать, как шумят деревья,
как на рассвете булькает росы бульон
и солнце объясняется в любви цветам,
мужчина женщине,
и краб, и черепаха,
и кролики...
И человеку Бог...
И богу Человек...

Волшебным утром наступает новый день.
В нем нет болезней и тоски.
И карантин уже давно не нужен.

забыться в усладе, уснуть в наркоте

мурашки бегут по холодной руке,
и кружатся щепки в мутной реке,
и зыбкая рябь чёрных разлук,
скрипящей калитки потерянный звук,
и в память ушёл опьяняющий стон,
и долго висел утихающий звон...

и вверх по реке плыл табун лошадей,
брюзжало море без кораблей,
устали мысли и бред в тишине,
рассыпалось солнце мазком по стене,
и плыли в гримасах маски во сне...

и в небе висели следы журавлей,
потуги и речи фальшивых ролей,
и глупость в привычках неожиданных гостей,
и грозная сила в поступках вождей...

забыться в усладе, уснуть в наркоте,
качаясь бездумно на тёмной волне,
оставить следы на сыпучем песке,
терять, находить, улыбаться себе...

и если случится обещанный грех,
в кунсткамере слышен школьников смех,
тогда написать ненужный сонет,
и в нем мой вопрос, и в нём твой ответ...

женщина, которую я люблю

Позволь мне взглянуть на твою красоту,
когда по паркету скользишь как по льду.
И в вальсе кружась, и в отчаянии слез,
становишься самой красивой из роз.

Позволь мне взглянуть на твою красоту,
когда ты молчишь и когда я молчу.
И вновь погрузившись, как ночь в тишину,
влечение твоё я себе подарю.

Позволь мне взглянуть на твою красоту,
когда поцелуи мои на снегу.
И хвойным настоем, прохладой в лесу,
приснятся тебе они все наяву.

Позволь мне взглянуть на твою красоту,
когда превращается миг в чистоту.
Когда он и счастье, и в счастье судьба.
И множится словно пурги белизна,

И множится словно пурги белизна...

Эффект Исхода

Далёкой юности моменты,
акации цвели как орхидеи.

И танцевали силуэты
забытый танец менуэт.

И ночь сменилась серостью рассвета.

И обнажились мокрые стога.
Висели а небе низко и ненужно
брюхатых туч тяжелые снега.

Тогда я вас любил зачем-то и безумно.

Увы, от времени осталась шелуха.
В кастрюле, на плите, кипел отвар корней
и булькала бравадой чепуха.

И рядом в репродукции дешёвой
романтики фальшивой паруса
и там же в чьих-то снах неумные намёки
и чьи-то там же робкие слова.

Я помню вас...

и лёгкий шёлк весеннего сезона,
хотя на улице ещё была зима...
мы попрощались не надолго,

чтобы расстаться навсегда.

С тех пор прошли тысячелетия.

Остались в памяти старинные часы.

Там укачала нас банальность сновидений
и погрузила в грубость суеты.

И где вы, я давно уже не знаю.

И вы давно забыли обо мне.

И образ ваш как розовый воздушный шарик,
пшик... и исчез в небесной синеве.

На коленях, мы оба, замёрзшие...

Патефоны, кактусы, ребусы,
и коллекция родинок родины,
бегемоты – ночные троллейбусы,
и на блюде бусы смородины.

Абажуры – желтые шарики
и прищурились окна портьерные,
по реке спешили фонарики,
надоели всем сплетни газетные.

На коленях, мы оба, замёрзшие,
и в глазах наших
льдинки стеклянные,
отразилась во взглядах задумчивость,
жесткость нар и вагоны товарные.

И по тюрьмам российским неласковым,
по тайге мы шатались вразвалочку,
и тесали шпалы, как палочки,
вспоминая сто грамм в забегаловке.

Ох, когда это было иль не было...
показалось оно, померещилось,
что луна улыбалась, обманщица,

как ядреная сельская банщица.

Постирать обещала портянки,
отбелить наши грязные тряпки,
излечить от голодной водянки,
напоить сладким чаем из чашки.

Растопить стеклянные льдинки,
и подняв, поставить на ноги,
эликсиром разгладить морщинки,
и проветрить медвежьи берлоги.

Ох, когда это было иль не было...
пошутила луна и забыла...
показалось оно, померещилось,
что отмыть нас хотела без мыла.

Молочные берёзки

Разноцветность яшмы слова,
феромоном сладких губ,
горечь плитки шоколада
в сексуальности услуг.

Плагиат чужой улыбки
и загадочность мечты
повторяются так славно,
как признание в любви.

И готовностью к творению
все желания утолить,
пожалеть и успокоить,
наслаждением напоить.

И мускатный запах тела,
и арабские духи
в центре солнечных затмений,
в полнолуние луны...

И среди прохлады лета
трав зеленых изумруд
и молочные берёзки
вдаль как саночки бегут.

И за ними в беспорядке
понедельники судьбы...
по канавам растекались
одиначества ручьи.

Освободи же, дай уйти...

уйти туда, где в чистом поле
скулит Ноябрь псом в неволе.

Где бродят тощие козлы
и щиплют голые кусты,
и новогодний винегрет,
и старый год и скупость лет.

И где шампанское уныло
стекает струйкой в унитаз
и угольки кошачих глаз...

И где под старый полонез
уже не выстрелит обрез,
неомощность старческих телес...

И где невинность, хоть и знала,
не удержалась и зачала.

И всюду миром правил звон.

И скрип родительской постели
смушал подростка крепкий сон.

И чьи-то нервные стихи,
где мат не в шахматах,
а в строчках.

И ненасыщенность отсрочки,
повсюду признак суеты
и повторяемость скандала,

и многоточия и точки...

Надежда – тень моей тоски,
освободи же, дай уйти...

Давай же упадём в любовь

Твой поцелуй и моя память...
как две бумажные луны.
Одна среди звёзд, в высоких небесах.
Другая отражением
озёр голубоглазых и неповторимых
И в нашем счастье множилась тревоги белизна.

И занавес упал.
В закате потерялось солнце.
Сент Бартс спокойно утонул в тиши,
и море, так беспечно и печально,
ему прощальный lullaby плескаясь, напевало.

И в древнем Яффо спал старинный порт.
И снились ему римляне и греки,
галеры и богатство в трюме терпких вин.
И раздражали города огни
и яркие цветы под фонарями на бульварах.
С господского плеча судьбы,
кому-то полагались ветхие лохмотья.
Другому же сапфир озёр,
и островов зелёных изумруд.

Давай же упадём в любовь.

Пусть пузырьками истекает
Ром и Кока-Кола в стакане у тебя,
в пустынном, как пещера, баре.
И в нашем счастье множится надежды белизна.
Твой поцелуй и моя память,
как две бумажные луны,
тому свидетели, во сне и наяву.

Розовый Талисман из коллекции Les Orientaux Latins

— - или баллада о розах султана — —

Во дворце султана.
В его гареме.
Под балдахином.
Под подушкой
покоился розовый талисман.

И тут же звучали басовые ноты мелодий
палисандра, сандала, амбры
и бобов тонки, и ванили и корицы.

И их повторяли высокие ноты, меццо-сопрано
смородины, груши, гуавы.

И они подтверждались мудрым запахом
кедра и имбиря.

И сладость жасмина
смешанного с индийской коноплей
напоминала мне о тебе и свежести,
только что, выглаженного белья.

Во Флоренции,
между площадью Синьории
и мостом Понте Веккьо, в галлерее Уффици,
на стенах жили портреты,
в любви и ревности, и умирали, не умирая...
и рядом текла цвета жёлтой глины, река Арно.

Резвые кочевники на маленьких лошадях
мчались по русским степям
и силой жестокости,
и жестокостью силы,
и верностью коварства,
и его же неверностью
разбавляли славянскую кровь
татаро-монгольской, если, конечно, есть такая...

И красные петухи клевали сухую солому крыш.
И их налитые огнём гребни
были видны за сотни вёрст.
Но никто не спешил на подмогу.
И деревни горели.
И лёгкий пепел пожарищ
мутил воду в ручьях и колодцах.
И лён, и рожь, и пшеница
зарастали бурьяном и дичали.

А там, в высоте, светились давно умершие,
уже никому не нужные, звёзды.
Им когда-то удивлялись боги.

Боги, которых почитали
Вавилон, Афины, Куш.
И Рим, и Карфаген...
И только суеверная Иудея
избрала себе никому неплютного бога.
И за это платила и платит...

И солнце больше не восходит на востоке
и не заходит на западе.
И давно уже не текут реки вспять.
И в пустыне песок не скрипит на дюнах.
И ветер не срывает пену с верхушки
девятого вала.

Неподвижный, Мир устал от боли.
И скрылся розовым талисманом
под подушкой в гареме султана.

Под окнами гарема росли розы,
о которых этот стих и написан.¹

¹ LES ORIENTAUX LATINS: The Latin Orientals коллекция из шести перфюмов. Айзенберг. Париж. Один из них Rose Talisman.

Белые розы висячих садов Вавилона

Прошлым летом, сорок лет тому назад,
Я увидел себя твоими глазами
Точки, запятые, восклицательный знак.
И цвели, и чем-то пахли белые розы
в висячих садах Вавилона.

Сорок лет тому назад, прошлым летом,
Я коснулся моих губ твоими губами.
И понял чем пахли белые розы
в висячих садах Вавилона.

Они пахли потухшим желанием
морского прибора.
И сыростью подвалов.
И сухостью трав в овраге.

И раскалённостью песка в пустыне.
И кривизной падения скалы в пропасть.
И двадцатилетием твоего тела.
И снобизмом твоего возраста.
И гибкостью твоих ног.
И мягкостью твоих рук.

Прошлым летом, сорок лет тому назад,
я знал чем пахли белые розы
в всяких садах Вавилона...
и погружаясь в тайну твоей улыбки,
среди горящих пожаров
и пепелищ пожаров потухших,
я знаю это сейчас.

И ничего нового не происходит...

Если долго смотреть в эту пропасть,
эта пропасть вас околдует
пустотой и мерцанием звездным,
грациозным в бездну падением.

Окунувшись в омут молчания,
околев под сутулым забором,
объяснившись в неверности вере,
тело взяв чьё-то долгим измором,
в эту пропасть упасть и забыться.
Захлебнуться в празднике плоти,
в ощущение вечности страсти
и забыть о грядущем ненастье.

Мандариновым запахом рая,
как шампанское море играет,
и волна лениво качает,
и волна волну догоняет.
И цветы на клумбах – конфеты,
трюфелей шоколадное счастье,
растекаются привкусом сладким
пробуждают желание отдаться.

И луна рефлектором плоским,

нарушая, покой отражает.
Гладят лапой туманы вслепую
кудри джунглей и плешь торфяную.
Полнолуние мысли смущает,
в неразгаданном смысле любви
они чёткость свою теряют.
И ничего нового не происходит.

Поющие пески

Я флиртовал с тобой, и только...
а ты ждала цветы,
и может быть серьёзных отношений,
и может быть физической любви...

Но знаешь, мы ведь все
не до страдали,
не до мечтали,
не до простили
кого-то и когда-то...
И в этом ли моя вина?
Мир так устроен.
И в поле ты один не воин.

И посреди молчания пустыни,
или под сводом вековых деревьев,
в мансарде, свечой уныло освещённой,
всегда усыпаны следами междометий,
воспоминания о том приятном флирте,
который был лишь суррогат тоски.

И под дождём поют поющие пески.

Danke Schoen

И шелухой ночного неба
в листве застрявший
шелест ветра,
и кислый вкус ржаного хлеба,
стакан парного молока,
вокруг в цвету горит гречиха,
и в гроздьях жёлтых облепиха
в картине юной простоты.

Обнажена в музее память
забытых мумий в саркофагах.
И где-то в Африке сафари.
Там ходят зебры и слоны.
И очень жарко в Калахари.
И все мосты разведены
в уже уснувшем Ленинграде.

Ты помнишь старое такси?
Твоё «мерси» букету роз
или фиалок...

Гоген и Молен Руж русалок.
В Париже ресторан Максим.
И столько стуж...

И столько ж зим.

У нас на кухне пять утра,
И грязные тарелки, и фужеры...
халатик твой распахнут словно крылья
жар-птицы на Лесном проспекте...
любовь среди чумы или холеры...
и в ретроспекте,
мы брали жизнь на бордаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.